

смысле еще больше, чем западноевропейская феодальная система с ее вассальными, строго определенными договорными отношениями, что она стала главной причиной того, что Россия делалась «легкою добычею татар». Запад был в ином положении: ведь «феодальное правление» — это «система простая и *сил*»-ная» (XI, 439; курсив мой. — И. Т.).

Из сказанного, однако, вовсе не вытекает, будто Пушкин сожалел об отсутствии в русском прошлом феодальной системы западноевропейского типа. Там же, в рассматриваемой статье, Пушкин прямо отвергает гочку зрения Полевого, который полагает феодализм «необходимым для развития сил юной России» (XI, 126). Да и вообще о структуре социальных отношений пушкинская формула в рассматриваемом контексте статьи не говорит. Поэтому, повторяем, нет никаких оснований считать, что пушкинское «тем хуже» связано с отсутствием предпосылок для буржуазного развития страны. Предлагаемое нами толкование тезиса «тем хуже» подтверждается также и анализом черновых вариантов текста. Именно в том месте, где речь идет о княжеских междоусобицах и татарском нашествии, после слов «Россия не окрепла» (далее варианты: «В *драках* княжеских не было никакого развития»; «*Драки* княжеские не развили никакой силы, доказательство — нашествие татар») следует: «и *тем хуже*» (XI, 376). Эта переключка одинаковых выражений помогает понять ход пушкинской мысли и смысл, который вкладывался им в формулу: «Феодализма у нас не было, и тем хуже».

А. Д. Михайлов

*

Пушкин и Стендаль

Напряженный интерес Пушкина к произведениям Стендаля был, по-видимому, настолько широко известен, что великому русскому поэту даже приписали восторженный отзыв о «Пармском монастыре»¹, напечатанном, как известно, лишь в 1839 г. На знакомство Пушкина с книгами Стендаля указывалось неоднократно, особенно после опубликования писем поэта к Е. М. Хитрово². Этот интерес к Стендалю справедливо связы-

¹ См.: «Записки А. О. Смирновой», ч. I. СПб, 1895, стр. 322—323. См. также: А. Vinogradoff. Trois rencontres russes de Stendhal.— «Mercure de France», t. CCIII, n° 717, 1 mai 1928, p. 605—607.

² См.: «Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832». Л., Изд-во АН СССР, 1927, стр. 112, 116, 217—221.

вали с поворотом Пушкина к прозе. Б. В. Томашевский, первым обратившийся к этому вопросу, в одном из своих исследований писал, что новые творческие задачи приводят Пушкина в конце 20-х годов «к внимательному знакомству с новой прозой во Франции. Это изучение прозы происходит в те же годы, когда он сам осуществляет ряд прозаических замыслов, начиная от «Повестей Белкина» и кончая «Капитанской дочкой». 30-е годы — расцвет французской прозы. На сцену выходят Бальзак, Стендаль, Ж. Санд и другие, менее крупные их современники...»³.

На типологическую близость прозы Пушкина и Стендаля миноходом указал В. М. Жирмунский в статье «Пушкин и западные литературы»⁴. Основная мысль статьи заключается в выявлении самостоятельного пути Пушкина, решавшего творческие задачи, сходные с задачами и его французских современников, но вне какой бы то ни было зависимости от них. Наиболее глубоко типологическая близость Пушкина и Стендаля изучена Н. Л. Степановым⁵, который приходит к следующему выводу: «Если говорить об общности устремлений, известной родственности художественной манеры, то, конечно, психологически насыщенная и вместе с тем сдержанная манера Стендаля была близка Пушкину»⁶. В связи с этим представляется особенно интересным выяснить, с какими именно произведениями Стендаля был знаком Пушкин, какой след оставили они в его творчестве.

С полным основанием мы можем говорить о знакомстве поэта с романом Стендаля «Красное и черное» (о котором он заметил, что это «хороший роман, несмотря на фальшивую риторичку в некоторых местах и на несколько замечаний дурного вкуса»⁷) и с новеллой «Любовный напиток», напечатанной в сборнике «Додекатон», вышедшем в сентябре 1836 г.⁸ (на титульном листе обозначен 1837 г.). Обе книги сохранились в личной библиотеке Пушкина⁹. В недавней статье Т. В. Кочетковой¹⁰ устанавливается, что Пушкину было знакомо имя Стендаля и из ряда книг о Байроне, где французский писатель упоминался или цитировался. Беремся высказать предположение, что Пушкину были известны и некоторые другие стендалевские книги, и прежде всего

³ Б. В. Томашевский. Пушкин и французская литература. — «Литературное наследство», т. 31—32. М., 1937, стр. 16 (то же в кн.: Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция. Л., 1960, стр. 97).

⁴ «Пушкин. Временник пушкинской комиссии», т. 3. М.—Л., 1937, стр. 87, 93—94.

⁵ Н. Л. Степанов. Проза Пушкина. М., 1962, стр. 33—35, 76—80, 169 и др.

⁶ Там же, стр. 79.

⁷ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 14. Л., 1941, стр. 172, 427.

⁸ См.: Н. Martineau. Le Calendrier de Stendhal. Paris, 1950, p. 324.

⁹ См.: Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. — «Пушкин и его современники», вып. IX—X. СПб., 1910, стр. 226 (№ 886), 342 (№ 1408).

¹⁰ Т. В. Кочеткова. Стендаль в личной библиотеке Пушкина. — «Пушкинский сборник». Рига, 1968, стр. 114—123.

его «Рим, Неаполь и Флоренция» (1817), второе расширенное издание которой вышло в конце февраля 1827 г. Это была любимая книга Долли Фикельмон, из нее она делала выписки в своем альбоме¹¹. Книга была политически остра, содержала немало заметок о Байроне и, главное, была посвящена Италии, занимавшей внимание Пушкина в период его южной ссылки. С несколько меньшей степенью достоверности можно говорить о знакомстве Пушкина с другими произведениями Стендаля, которые были известны современному ему русскому читателю. Эта известность подтверждается хотя бы наличием достаточно большого числа экземпляров стэндалевских книг (в первых изданиях) во многих наших крупных библиотеках.

Возможные следы чтения Стендаля Пушкиным можно найти, как нам представляется, в черновой рукописи «Станционного смотрителя», помеченной 14 сентября 1830 г. В невошедшем в основной текст варианте, в частности, читаем: «Читатель ведает, что есть несколько родов любовей — [любовь чувственная, платоническая, любовь из тщеславия, любовь 15-летн. сердца и проч.], но изо всех — любовь дорожная самая приятная»¹².

Это место пушкинского текста удивительно напоминает сходные высказывания Стендаля из разных его книг, прежде всего из его известной книги «О любви» (1822). У Стендаля читаем: «Есть четыре рода любви: 1. Любовь-страсть <...>. 2. Любовь-влечение <...>. 3. Физическая любовь <...>. 4. Любовь-тщеславие»¹³. Как видим, Пушкин почти точно повторяет классификацию Стендаля, причем, в четвертой рубрике он, по нашему мнению, более удачно передает стэндалевский термин *L'amour de vanité* («любовь из тщеславия»), чем это сделано в цитируемом нами современном переводе.

Отметим, во-первых, сходство синтаксических структур приведенных отрывков. Правда, у Стендаля после каждой категории любви идет довольно пространное ее толкование, причем с каждым разом все более подробное (при цитировании нами это опущено). Некоторые эти категории у Пушкина буквально повторяют стэндалевские («любовь из тщеславия»), другие легко к стэндалевским сводятся (особенно если учесть дальнейший ход рассуждений французского писателя). Так, стэндалевская «физическая любовь» соответствует пушкинской «чувственной», а «любовь-влечение» — «платонической». Остается «любовь-страсть» Стендаля и «любовь 15-летнего сердца» Пушкина. Они никак не сводимы друг к другу; не могут они быть субститутами и других «категорий». Стендаль и Пушкин как бы проводили деление предмета своего «анализа» по-разному (вернее, по близкому, но не совпадающему) основанию.

¹¹ См.: *N. Kauchtschischwili. Il Diario di Dar'ja Fedorovna Ficquelmont. Milano, 1968, p. 61.*

¹² *А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 8/2. Л., 1940, стр. 644—645.*

¹³ *Стендаль. Собрание сочинений, т. 4. М., 1959, стр. 363—364.*

Как и Стендаль, Пушкин называет четыре типа любви. Правда, он ставит «и проч.», тем самым не закрывая этого перечня. Вполне понятно, почему он это сделал. Стендаль, поглощенный своей трудной любовью к красавице Метильде Дембовской, Стендаль, ученик французских философов-рационалистов XVIII в., писал серьезно, стремясь анатомировать терзавшее его любовное чувство — чтобы его победить. Пушкин писал шутливо, именно поэтому для него не имела значения четкость классификации, именно поэтому он кончает свой по виду серьезный перечень так неожиданно: «...но изо всех — любовь дорожная самая приятная». Этот шутливый, разговорный тон находился как раз в русле пушкинских стилистических исканий периода болдинского уединения. Более того, как показывает анализ рукописи, Пушкин в процессе работы над текстом вообще отказывается от классификации, вычеркивая «стендалевские» категории. Фраза получается еще более энергичной: «Читатель ведает, что есть несколько родов любовей — но изо всех — любовь дорожная самая приятная».

Итак, переключка, сходство классификации любви у Пушкина и у Стендаля несомненны. Правда, у Стендаля эта классификация серьезна и несколько механистична, у Пушкина, благодаря неожиданной концовке, — легка и иронична (даже если не принимать во внимание, что часть фразы вымарана). Но есть ли во фразе Пушкина, писавшего через восемь лет после Стендаля, прямая зависимость от стендалевского текста? Или иначе: можно ли считать черновой пушкинский набросок скрытой, переосмысленной цитатой из Стендаля? Ответ на этот вопрос не может быть категоричным. Правильнее сказать, что это очень возможно (на это хотя бы указывают слова «Читатель ведает, что есть несколько родов любовей»). И если это действительно скрытая цитата, то, несомненно, цитата по памяти и даже, может быть, с чужих слов.

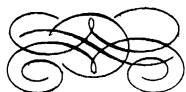
«Творческая история» пушкинской фразы представляется нам следующей. Рассказывая о любовной интрижке проезжего офицера, Пушкин вспомнил о когда-то читанной или просто слышанной классификации «родов любовей» (быть может, даже забыв или не зная, что она — стендалевская) и вставил (по памяти, но довольно точно) эту классификацию в текст, чтобы тут же шутливо противопоставить ей (тем самым ее убив) «любовь дорожную». Затем, ища большей легкости и сжатости, Пушкин вычеркнул всю серьезную классификацию, оставив лишь одну «дорожную» любовь.

Предлагаемая нами схема гипотетична. Не располагая достоверными документальными сведениями о знакомстве Пушкина с книгой Стендаля «О любви», мы остаемся в области предположений и можем указать лишь на интересный случай творческой переключки (возможно, и невольной) двух великих художников слова.

Академия наук СССР
Институт мировой литературы
им. А. М. Горького

ИСКУССТВО СЛОВА

СБОРНИК СТАТЕЙ
К 80-ЛЕТИЮ
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР
ДИМИТРИЯ ДИМИТРИЕВИЧА
БЛАГОГО

Издательство «Наука»
Москва 1973